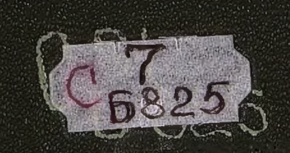

А. БОРИСОВ

КРАЙНИЙ СЕВЕР

А. БОРИСОВ

КРАЙНИЙ СЕВЕР

(в 24 таблицах)

ИЗОГИЗ
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

„ГЕОКАРТПРОМ“
Картографическая
ф-ка им. Дунаева
Москва.
Главлит Б.-326. Тир. 10000.

Могила кормщика Чиракина, описавшего пролив Маточкин Шар и определившего его длину.
Погиб в 1769 году.

Крайний север с каждым годом привлекает к себе все больше внимания и власти и общественности в СССР. На островах, еще недавно совершенно лишенных населения, Вайгаче, Новой Земле и др. появились постоянные поселения и промышленные предприятия. В тундрах материка, где на огромнейших пространствах разбросаны малочисленные племена ненцей (нынешнее название самоедов), остяков, тунгусов, чукчей и др., устроено в 1928 и 1929 гг. шесть культбаз: одна — в области Коми для самоедов, одна — для тунгусов в Туруханском крае, одна — на Чукотском полуострове для чукчей, две — на Дальнем Востоке и одна — в Якутской республике. Эти культбазы представляют собой небольшие поселки, где имеются: амбулатория и больница, ветеринарный пункт с опытным оленьим стадом, кабинеты и лаборатории для научных работ, школа-интернат, кооперативный магазин и склад, дом для туземного райисполкома, дом для приезжающих („дом туземца“), радио.

В 1930/31 г. устраивается 3 новых культбазы за счет государственного бюджета в бассейнах рек: Вах, Хатанга и Колыма.

Постройка на культбазах вместительных домов туземца и помещений для тузриков создает теснейшую связь культбаз с туземным населением. Кроме опытных оленьих стад, при культбазах будут организованы и другие показательные хозяйственные ячейки: зоофермы, звероводные и собачьи питомники, показательные кустарно-ремесленные мастерские, обрабатывающие рыбу, пушнину, замшу и другие продукты промыслов.

В устьях Оби и Енисея, впадающих в Карское море, созданы благоустроенные порты. Сюда привозятся из европейской части Союза промышленные товары и вывозятся сибирские товары: пушнина, графит, лес, хлеб. Количество заходящих сюда ежегодно судов недавно еще исчислялось немногими единицами, теперь — несколькими десятками.

Все ближе подходят к полюсу устраиваемые на далеких островах крайнего севера метеорологические станции с постоянными при них персоналом и радиостанциями. В 1929 г. устроена станция на о. Гукера в архипелаге Земли Франца-Иосифа, ныне переименованном в Землю Фритиофа Нансена, под 82° с. ш.

Воды Северного полярного моря богаты рыбой и морским зверем. Прежде эти богатства истреблялись хищнически. Теперь ведутся упорядоченный лов и обработка продуктов лова: на крайнем севере появляются консервные заводы и другие предприятия по заготовке рыбы впрок. Большое богатство представляют и олени тундры. В царской России это богатство быстро исчезало, а вместе с гибелью стад вымирали и оленеводы. В 1897 г., по сведениям, собранным художником Борисовым, в Большеземельской тундре пало до 200 000 оленей. Столько же пало в следующем году в Малоземельской тундре (к западу от Печоры). Считая по средней цене того времени по 10 руб. за оленя, это составило за 2 года потерю в 4 миллиона руб. Стада гибли и от эпидемий и от недостатка корма. Главная пища оленя — лишайник, известный под названием оленьего моха. У нас он растет огромными шапками, в тундре — в виде тонких белых нитей. Чтобы этих тощих пастбищ хватило для оленьих стад, нужно прирезывать самцов-оленей, достигших полного развития (в возрасте 3 лет). Оленина представляет собой очень вкусное мясо. При советской власти начинают устраивать заводы для заготовки оленьих окороков, копченых языков, консервов. А раньше резали оленей только на шкуры и кожи (замша), а мясо, какое не успевали поесть на месте, просто бросали, и оно сгнивало.

Метеорологические обсерватории с радиостанциями при них, устроенные на крайнем севере после Октябрьской революции, имеют значение как для предсказания погоды, так и для налаживания воздушных линий сообщения. От полюса к нам идут так называемые волны холода, оказывающие

огромное влияние на состояние погоды. Ежедневная передача сведений о зарождении и ходе этих волн в высшей степени важна для предсказания погоды во всей северной полосе Европы и Азии. Полеты через полюс пока производятся в виде опытов. Вскоре они приобретут большой практический интерес для налаживания кратчайших путей сообщения между севером Европы — Азии и севером Америки. Для безопасности этих путей сообщения нужно совершенно точно представлять себе движение атмосферы в околополярной области.

Огромнейшее значение имеет и вопрос о том, как поднять производство и культурный уровень населения крайнего севера.

При царском правительстве население это было отдано в жертву кулакам-торговцам, которые разоряли и спаивали самоедов и других северных обитателей. Северные племена стали вымирать. Теперь вымирание приостановлено. Началась работа по улучшению жизненных условий северных племен, начата огромная работа по социалистическому строительству на крайнем севере.

Для борьбы с кулачеством, еще сохранившимся в оленеводческом промысле, расширяется сеть кооперации и государственной торговли. Началось строительство оленьих колхозов (в форме промысловых артелей) и совхозов. Сейчас организуется несколько оленьих совхозов в Мурманском, Ненецком и Тобольском округах; к концу пятилетки устройство их будет распространено и на другие районы крайнего севера.

Как важнейшие средства для поднятия культурного уровня северных народностей намечается: скорейшее создание письменности на языках малых народностей севера, перевод начальной туземной школы на родной язык и снабжение школ букварями и учебниками на родном и русском языках.

Условия жизни на крайнем севере своеобразны. С обстановкой этой жизни и знакомят картины художника А. А. Борисова. Он сам северянин.

Собранные в альбоме картины позволят пережить вместе с художником его путешествия по Большеземельской тундре летом 1898 г., а затем по Новой Земле в 1901 г.

У подножия холмов, среди снежной равнины — обоз из большого количества распряженных легких саней (нарт) и два чума самоедов, вместе с которыми Борисов проделал путь из Пустозерска (на Печоре, под полярным кругом) до Югорского Шара (пролив между материком и о. Вайгач). В дороге были от 11 апреля до 15 мая. Вместе с путешественниками перевозились и чумы. Они раскидывались только на ночевку, а затем складывались и везлись дальше. От Пустозерска, „города“ с десятком жалких изб, до селения Никольского на берегу Югорского Шара ни одного постоянного селения не было. Во время остановок разводили в чуме огонь (запас дров взяли с собой), кипятили в котлах воду, ели сырьем („айбырдали“) мерзлую оленину и запивали ее горячей водой („чаем“). Затем залезали в спальный мешок, сшитый из оленьей шкуры шерстью внутрь, и прекрасно спали, несмотря на то, что ветер гулял в чуме почти так же свободно, как и в тундре, и мороз доходил до 20°, как только угасал огонь под котлом. Один раз зарезали оленя, который сломал себе ногу, и все (в том числе и Борисов) с наслаждением ели теплую сырую оленину, запивая ее теплой кровью.

При хорошей погоде ехали на оленях очень быстро; но трудно приходилось при ветре, достигающем в открытой тундре огромной силы.

„Второй день в тундре встретил меня, — вспоминает А. А. Борисов, — прекрасным утром и тихой погодой. Долго мы хватали оленей, потом, вытянувшись длинной вереницей, поехали прямо на север к Болванским сопкам. Немного проехали, стал подувать ветерок, и с северо-запада надвинулись синие тучи. Ветер задул еще сильнее, и тундра мало-по-малу сделалась страшной: ветер рвал и метал, ужасно свистя и безжалостно засыпая все снегом. Меня пронизывало насквозь, до костей, несмотря на то, что на мне были малица и совик. Олени ни за что не хотели итти хоть сколько-нибудь против ветра и то-и-дело старались поворотить по ветру. На беду один олень не пошел при возах даже тогда, когда его выпрягли и пустили на волю. Его пришлось положить на нарты к одному самоеду, и тому надо было итти пешком. Спустя еще немного времени, поднялась такая ужасная мятель, что

очень рискованно было отъехать и на шесть шагов: того и гляди не найдешь самоедов. Стать бы хоть чумом и сколько-нибудь укрыться от этой неистово бешеной вьюги, хоть сколько-нибудь защитить лицо от этого ужасного ветра. Точно раскаленными металлическими щетками прижигает лицо, так как его режет ветром со снегом. Мы давно бы остановились, да нет проталины, на которой могли бы пастись наши олени. А здесь, среди этих снегов, они не достанут насущного своего корма — оленьего моха вследствие того, что снег после оттепели покрылся в мороз ледяной корой; все наши олени должны были бы околеть. Для них надо отыскать так называемые „вареи", т.-е. места, обнаженные от снега, содранного ветром. Поскорее бы найти такое место".

Селение Никольское, куда попали к 15 мая, летом было очень оживленным торговым пунктом. Сюда собирались самоеды-оленеводы тундры и промышленники зверя и рыбы, а также зыряне (коми) и русские. В 1898 г. торговля велась здесь меновая, редко на деньги. Русские и зырянские кулаки страшно эксплоатировали самоедов, получая иногда за гроши шкуры белых медведей, моржей и ценное сало морского зверя, а также рыбу — омулей и сигов, — при помощи водки. Водка в этих местах являлась просто бичом.

Через Югорский Шар Борисов по льду перебрался на о. Вайгач. Затем снова вернулся в Никольское, где пробыл до 25 июля.

„Я переживал, — вспоминает он, — то время, когда полночь так же светла, как и полдень, освещение одно и то же. То разнообразие тонов и теней, которое является в наших широтах результатом смены дня ночью и обратно, совершенно отсутствует. В серенький тихий день или в страшную снежную вьюгу жутко чувствуешь себя в этой безграничной пустыне. Но стоит утихнуть погоде или прорваться сплошному туману и однообразному слою облаков, и картина мгновенно меняется".

Еще необычнее условия жизни на Новой Земле. Уже с XI века стала она посещаться русскими поморами. Некоторые из них проводили на Новой Земле десятки зим. Сейчас на Новой Земле имеется несколько поселков с русским и самоедским населением. Во время экспедиции Борисова (1901 г.) их было только три. Новая Земля является двойным островом: южный от северного отделяется проливом Маточкин Шар. С юга на север острова протянулись от 70° 30' до 77° с. ш. На северном острове, к северу от бухты Незнаемой или Безымянки (Борисов называет ее бухтой Размыслова), внутренняя часть покрыта материковым льдом. К югу от губы высота острова понижается вдвое (вместо 600 *м* над уровнем моря, — 300 *м*), а вместе с тем исчезают и ледники, заменяясь снежными полями (у Маточкина Шара есть ледник и на южном острове). Пять картин знакомят нас с мощным материковым ледником, с его покрытой трещинами поверхностью, с пропастями во льду, с необычайной красотой гротов с их сталактитовыми занавесями, с отрывающимися от ледника при скате его к морю огромными глыбами льда, в виде ледяных гор (айсбергов), плавающих потом по морю.

Внутренняя часть не только северного, но и южного острова почти лишена растительности — по берегу растут лишь мхи, лишаи (ягель), разные травы. Деревьев нет, но есть мелкий кустарник из карликовых пород березы и ивы.

Чем живет население? И тем, что подвозят ему с материка, и тем, что добывает на месте. В реки Новой Земли входит с моря в большом количестве рыба — голец. Как его ловят, видно на картине. В огромных количествах гнездится гагарка (из нее состоит, главным образом, птичье население так называемых птичьих гор). Очень много гусей (они употребляются в пищу и в сыром и в соленом виде). Здесь охотятся и за дикими оленями, но оленеводством не занимаются. Для езды употребляют собак. Но с ними трудно управляться. От собак приходится оберегать все кожаные вещи, а то съедят во время ночевки. Во время одной ночевки самоед Устин, сопровождавший Борисова, повесил сушить свои штаны. Утром, выйдя из палатки, он нашел, что штаны его съедены собаками. Тогда стали складывать вещи на поставленных стойком санях (см. картину).

Главные богатства островов — морской зверь: белый медведь, морж, тюлень, белуха, кит-полосатик, нарван. Охота на этого зверя составляет главное занятие населения Новой Земли.

Сообщение по материковому льду почти невозможно. Сообщение по морю, особенно Карскому, также крайне затрудняется льдами.

Об огромных опасностях морского путешествия очень ярко говорит рассказ Борисова, который мы приводим ниже.

Борисов сперва устроил из доставленных с материка бревен дом на острове, а затем вместе с зоологом Тимофеевым, самоедом Устином и 5 матросами отправился на судне „Мечта" через Маточкин Шар в Карское море. Маточкин Шар был забит льдами; чтобы пройти по нему (100 *км*) до моря, потребовалось 2 недели. По выходе в море хотели повернуть к северу и там на берегу в нескольких местах устроить склады продовольствия, а также холстов и красок для художественной работы во время предстоящей санной экспедиции. Но выполнить эту задачу оказалось невозможным. Море представляло собой сплошной „ледяной мешок". Пришлось выгрузить все запасы сразу в одном месте. Затем вернулись на судно, чтобы отвести его на зимовку в Тюленью губу. Но и это оказалось невозможным. Затертое льдами судно относилось течением все дальше от берега к югу. Тогда решили бросить судно на произвол судьбы, а самим, вместе со шлюпками, пешком двинуться по льду к берегу. Он был совсем недалеко, но достигнуть его оказалось почти невозможным.

„Вначале путь был сносен. Пробивая баграми новый лед, образовавшийся между огромными торосами, и образовывая таким образом узкий канал, мы тащили шлюпки и пробирались по льду сами. Но вскоре новый лед делался толще, и его ломать было очень трудно, а по старому льду, заваленному снегом, становилось итти все труднее и труднее: льды нагромождены были в страшном беспорядке друг на друга, и то-и-дело мы проваливались в снег выше колена. Снег этот, пропитанный соленой водой и представлявший отвратительную массу, вроде клейстера, прилипал к шлюпкам и чрезвычайно задерживал их движение. Течением же нас относило все дальше от берега, к югу. Утром мы убедились, что со шлюпками мы не пробьемся к берегу и в месяц, и поэтому оставили их вместе с массой вещей, даже таких ценных, как фотографический аппарат, запасные одежды, часть сухарей, несколько ружей, палатку и пр.

„Мы взяли с собой лишь самое необходимое и маленький тузик, на случай, если придется переправляться через трещины между льдами. Соорудили из лыж сани, наложили туда часть сухарей, малицы и еще кое-какие вещи, мы с зоологом запряглись в них, матросы потащили тузик, нагруженный самыми дорогими для нас вещами, а самоед Устин повез на собаках два ящика консервов и половину белого медведя для кормежки собак.

„Огромнейшее пространство воды между одним полем старого льда, страшно заваленным снегом, и другим таким же, замерзшим, повидимому, только накануне, представляло собой необозримое поле гладкого льда. Мы не шли, а, скорее, скользили, и итти было очень легко. Но лед под ногами был страшно тонок. Попробуем его ударить палкой, она проскакивает сквозь, а итти надо, назад отступать невозможно. Но что это было за движение вперед! Лед черный, жуткий, а под ним — бездонное море.

„Прошли мы так несколько часов, вдруг слышим, сзади с самоедом Устином случилось несчастье: он попал в такие льды, которые быстро под санями стали ломаться, и образовались широкие щели; собаки стали тонуть. Он обрезал им постромки, и несчастные лайки разбрелись по льдам. Все наши припасы — консервы погибли. Одно спасенье — поскорее добраться до берега. Перед нами выступ ледяного мыса; только что появляется мысль попасть на него, как течением относит нас далеко от него в сторону... Вот перед нами высится ледяная гора на мели. Хорошо бы попасть на нее, а оттуда постепенно, выждав хорошее время, перебраться в тузике на берег. Но нас на льду несет быстро, а гора стоит на мели неподвижно; успеем ли дойти до нее? Нет, не успеем! И действительно, мы проплываем, и проплываем в каких-нибудь трех-четырех десятках сажен.

„Перед нами открывалась страшная картина страшной стихийной силы. Целое море льда, подчиняясь воле течения, плывет и сокрушает на своем пути все преграды. У края

припаев льда творится нечто невообразимое: огромные ледяные горы в несколько тонн вертятся, прыгают с грохотом и стоном, вздымаются вверх, опять низвергаются вниз и исчезают там в осколках разбитого льда.

„Нечеловеческие усилия нужны для того, чтобы перебраться через эту страшную ледяную заставу. К счастью, край припая не совершенно ровный — у него есть мысы заливы и т. д., и под прикрытием какого-нибудь мыса можно еще перебраться. Один из наших матросов прыгает на такой гигантский ледяной вал, закрепляет конец веревки за какой-то выступ, канат вытягивается, и из-под шлюпки моментально выскакивают те льды, на которых она была, и уносятся дальше. Шлюпка становится на мелкий битый лед в глубине заливчика; мы быстро перескакиваем по пляшущим льдам, перекладываем вещи и, наконец, втаскиваем все на припай.

„Но это все еще не совершенно неподвижный лед. Временами он то-и-дело приходит в движение, образуются трещины, и на каждом шагу нам грозит сложная переправа через них.

„Пройдя метров пятьсот, мы попали в совершенно неподвижные льды, но в ужасном хаосе нагроможденные друг на друга и заваленные страшно глубоким снегом. Итти по этому снегу и льду стало еще труднее. Местами во льду были маленькие полыньи, заметенные снегом. Шли спереди по очереди. Передний обвязывал себя веревкой по поясу и за собой сзади оставлял длинный конец веревки. Если он проваливался в воду, то его сзади идущие за веревку вытаскивали. Так мы прошли еще километр.

„Поздний вечер. Стало темно—и мятель. Мы, усталые и измокшие, решили хоть немного отдохнуть. Сделали себе убогую защиту от ветра, положив тузик на бок дном на ветер и головами воткнулись в него. Легли врастяжку прямо на мокрый снег. Так мы отдыхали часа четыре. Я проснулся первый и вижу: все кругом тихо, мятель прекратилась.

„Вставайте, — говорю я своим, — надо итти, а то, чего доброго, нас оторвет и понесет в море.

„Сразу мы итти не могли по этому снегу и по ужасной неровности льда. Мы сначала должны были нести наши вещи, а потом, возвратившись, тащили наш тузик. На нем мокрый снег за ночь замерз, и он стал настолько тяжел, что мы его едва тащили вперед. Сделали два перехода, так метров 400, и вдруг перед нами река, шириною с Неву. Нас оторвало. Через эту реку неизбежно надо попасть. Трое матросов сели в лодку и поехали на ту сторону; выкинули там вещи. Один из матросов вернулся. Сели мы с Тимофеевым в лодку к нему, переехали. Матрос поехал за оставшимися. Но их за это время так далеко отнесло, что едва было видно.

„Как только шлюпка ушла, мы, не теряя времени, стали таскать наши вещи дальше. От движения в глубоком снегу нам стало жарко. Сбросили малицы. Все вещи таскали на высокий сугроб снега и льда. Вдруг, смотрим, на этом гигантском торосе делаются щели. Видим, — щели становятся шире, и он расползается в разные стороны. Огромный торос рассыпается на отдельные мелкие льдины.

„Положение отчаянное. Мы чувствуем,—почва под нами разверзается и исчезает под нашими ногами. Цепляемся за большие куски льда, взбираемся выше, ложимся на живот, чтобы увеличить площадь опоры, а трещины растут все шире и шире. Перепрыгнуть через них и думать нельзя. Вещи, выгруженные в разных местах, погибают; вот и малицы — единственную защиту от мороза — и спальный мешок от нас уносит, и нам, усталым и измокшим до нитки, грозит закоченеть в первую же ночь.

„Все кругом тихо, мертво. Едва брезжит свет. Проходит четыре часа, и мы, наконец, слышим голоса наших спутников. Когда наши подъехали, мы им только крикнули: „Возьмите ружья да патроны“. Взяли ружья и патроны, выскочили на крупную льдину. Стали на тузике нас собирать, потом собрали и малицы; они не тонут и на мелком льде и даже на воде безо льда, также и спальный мешок.

„Оказалось, что наши матросы были на волосок от смерти. Их течением отнесло очень далеко, и они не могли слышать нашего голоса, а шлюпка вдруг потекла. К счастью, один из матросов во-время заткнул отверстие ногой, обутой в мягкие пимы, а на пути оказалась небольшая льдина. Подъехали к ней и выскочили на лед в тот момент, когда шлюпка со всеми матросами вот-вот пошла бы ко дну. Вытащили

шлюпку на лед, вылили воду и, законопатив дыру носком, поехали к нам. Так они бились четыре часа.

„Когда они приехали к нам, и когда, после сбора вещей и нас, мы вытащили тузик на лед и стали осматривать дно, то мы прямо пришли в ужас. Вчера во время путешествия по новому льду, кое-где с неровными острыми шероховатостями, мы в очень многих местах пробили дно. А после того мы тащили тузик по мокрому снегу, и дыры залепились им, а во время нашего отдыха ночью снег этот замерз, вот почему сначала сегодня вода не текла. После, от долгой езды по воде, в одном месте снег этот оттаял и выскочил из дыры, и вода потекла мгновенно.

„Мы решили передохнуть. Итти дальше без шлюпки было нельзя. Надо было ее зачинить, а чинить было нечем. Но вот отрубили мы от весел небольшие кусочки дерева, раскололи на дощечки. Обрезали подолы у малиц, нарезали заплаток, наложили на дыры лодки, а сверху — дощечки, и все это приколотили гвоздями.

„Но как тут думать об отдыхе, когда у нас даже нечем укрыться, нет палатки, а скоро будет нечего и есть. Да и нельзя было медлить: течением нас все дальше относило от берега. Пока есть еще остатки сил, надо бороться. Стали опять перебираться со льдины на льдину. Но движение шло медленно, потому что тузик был мал и мог вмещать только, в крайнем случае, четверых. Поэтому, чтобы всех переправить по воде, надо было делать, вместо одного расстояния, пять расстояний. А льды в это время не ждут, их несет. И пространство воды между ними становится все шире и шире. И какие-нибудь 10 километров превращаются в 50.

„Наша крепкая семья, сплоченная одинаковой для всех нас участью близкой гибели, решила бороться и итти вперед до последних сил, в надежде хоть кому-нибудь живым добраться до берега. Мы страшно страдали от жажды. Как безумные, мы набрасывались на снег, жевали его, держали во рту, глотали, но ничто не помогало, проходило несколько минут и жажда усиливалась. Полжизни готовы были отдать за ковш простой воды. Матросы разгребали снег и с жадностью накидывались на небольшие лужицы воды под ним. Пили, не замечая, что она немного соленая, и после нее, спустя минуту, еще больше страдали от жажды.

„По счастью, завидели мы тюленя. Устин убил его, и, как хищные звери, накинулись мы на его кровь. Она великолепно утолила жажду и восстановила нам силы. Разрезали тюленя, вытащили внутренности, стали поедать сырьем легкие и печень, глотать ворвань, а самого тюленя оставили впрок, чтобы удобнее перетаскивать со льдины на льдину.

„Впоследствии, благодаря тюленьему жиру, у нас явилась возможность из снега немного делать тепловатой воды. И странное дело, из того же самого снега едва теплая вода прекрасно утоляла жажду.

„Тяжелое время нам пришлось пережить. Ночи длинные, день короток. Собственно, дня не было, были сумерки. Сидишь. Темно и сильная снежная вьюга, ничего не видно, только слышен вокруг неистовый рев белых медведей.

„Если одно поле старого льда от другого такого же отделялось огромным пространством воды, в продолжение длинной ночи мы не пускались больше в путь по воде: мы боялись отделиться друг от друга. Что будут делать те, кто останется без шлюпки? А ночью, в темноте, по такому ужасному льду итти невозможно. Днем приближаешься к берегу, а ночью относит дальше.

„Так мы носились на льдах по воле ветра и течения до 3 (16) октября, когда заметили, что на ледяной поверхности образуются складки и льды торосит. Мы подумали, что лед встретил какую-то преграду.

„На другой день утром, проснувшись, я спрашиваю самоеда Устина.

— Видать ли берег, далеко ли он?

— Видать, да далеко. Только я чую дым чумовой, да собаки лают.

„Лаю собак мы не придавали никакого значения. Ведь это могли лаять наши же тридцать собак, которых разнесло на льдах по морю.

„Матросы расхохотались над самоедом — до того казалось им диким посередине моря чувствовать дым чумовой. Самоед сконфузился.

— Ну,—говорю я матросам,—надо вставать, согреть воды, попить чаю, да итти вперед.

„На нас было все мокро. Одежда износилась; малицы вытянулись—пришлось их обрезать. В рукавах шерсть вылезла.

„Все приходило к концу. Наша жизнь тоже.

„Я взял бинокль; вылез на высокий выступ тороса и стал смотреть: вдали темнеется конусообразный, темный на фоне снега, выступ горы. Над ним как будто бы мерещатся шесты. Недалеко от него такой же выступ. Смотрю, между этими конусами плавают какие-то две точки. Что это? Птицы? Зачем же им так странно летать взад и вперед.

„Напрягаю всю свою зоркость, буквально весь ухожу в глаза. Нет, это—чум, люди.

„Даю бинокль Трофиму Акулову. Тот ничего не видит. Матросы не верят.

„Я велю стрелять. Устин стреляет. Мы слышим ответные выстрелы. Значит, я не ошибся. Да, это люди. Они видят нас и понимают.

„С громким криком „ура", точно на неприятельскую крепость, ринулись мы вперед по льду и снежным сугробам. Силы сами собою пришли. Теперь нам не страшно мокнуть в воде. Туда—к спасительной цели, на берег, где мы обсушимся, напьемся досыта.

„Видим: самоеды отделились, едут на собаках. Вот еще нарты, вот третьи.

„Нас, оказывается, пронесло больше чем на 200 километров к югу. Теперь мы, оказывается, не так далеко от земли. Здесь Новая Земля, сравнительно с горами Маточкина Шара, совсем низкая. А мы все продолжали мерить по масштабу гор Маточкина Шара. Вот почему я чумы принял за выступы гор, а людей принял за птиц.

Но вот мы ясно разбираем, как самоеды кричат:

— Есть ли у вас лодка?

— Есть, да очень маленькая,— отвечаем мы.

— Ладно, мы съездим за другой.

„Трое из них поехали за лодкой. В это время пал сильный туман. Кругом ничего не стало видно. Снова настали тяжелые минуты. Так спасение было близко и... неужели? Неужели опять нас оторвет и унесет прочь?

„Самоеды ездили около часа, но это нам показалось вечностью. Они привезли шлюпку. Прошло еще несколько времени, и вот кудлатые головы мало-по-малу стали вырисовываться в тумане. Прошло еще 3—4 минуты, и я узнал этих самоедов. Это были мои старые знакомые; еще в 1896 году жил я с ними в Маточкином Шаре.

„Теперь мы разделились на две шлюпки и двинулись прямо одним разом все. Скоро мы перешли на такой лед, который едва-едва только приходил в движение. Здесь к нам присоединились еще два самоеда, которые помогали тащить нам шлюпки. Но вот, наконец, мы и на совершенно неподвижном льду-припае.

„Тут нас ждали собаки. Мы сложили на нарты наши убогие пожитки и остатки нашей жалкой и мокрой одежды, а сами в одних шерстяных рубашках пошли пешком по ровному льду. С нами было: 2 компаса, 2 морские карты, 2 винтовки, 180 патронов к ним. Остальное кое-что из провизии. Одежда вся на себе, да и та размокла и вся подопрела (из шерсти). Тут мы, сбросив с нарт все, сели на них сами и приехали в чум самоедов.

„Никогда в жизни не приходилось мне испытать такого чувства, да и всем нам. Хотелось прыгать, плясать, бежать без конца, без цели. Первое дело, набросились мы на горячий чай и, казалось, пили его без конца.

„Всю ночь дул сильный западный ветер с берега, и все льды, исключая самого небольшого припая, унесло далеко за горизонт в море. Крышка была бы нам, если бы мы накануне не попали на берег.

„Оказалось, что судно наше течением со льдами вместе принесло сюда еще раньше нас".

Нельзя читать без захватывающего интереса рассказ Борисова о тех смертельных опасностях, которым подвергается путешественник-одиночка при попытке пробраться в Карское море. Но именно через Карское море идет путь из Европы к устьям сибирских рек—Оби и Енисея. Теперь, когда вы знаете об этих опасностях, вы еще лучше оцените

огромный подвиг, который совершил наш ледокол „Красин“ в 1929 г., тот самый „Красин“, который прославился в 1928 г. спасением погибавшего экипажа воздушного корабля „Италия“. Подвиг 1929 г. гораздо значительнее по своей важности для Союза, чем подвиг 1928 г. „Красин“ провел при трудных условиях через льды Карского моря не несколько пароходов, а сразу целую флотилию из 27 иностранных судов. Этим самым он разрешил тридцатилетний спор о проходимости Карского моря. До этого можно было утверждать, как это и делали многие ученые и практики морского дела, что пробраться через этот „ледник“ или „ледяной мешок“ можно только по счастливой случайности, в особенно благоприятный год.

Советская власть поставила перед собой задачу проложения пути через Карское море и строго научно подошла к ее практическому разрешению после длительной подготовки. Решено было объединить усилия мощного ледокола с авиацией и радио. Из года в год совершались все более дальние плавания на ледоколах и полеты в полярное море, изучались морские течения и движения атмосферы, все дальше к северу продвигались радиостанции, снабжались мощными радио самолеты.

В 1929 г. „Красин“ провел свою работу совместно с большим самолетом, снабженным мощным радио. На самолете работу вел испытанный летчик Чухновский. Только благодаря такой совместной работе мощного ледокола, авиации и радио и была разрешена задача о проходимости Карского моря. Но какие искусство и настойчивость пришлось проявить „Красину“! В Карское море вошли довольно спокойно, через Югорский Шар, но затем ледяная каша, через которую пробирался „Красин“, сменилась сплошным льдом. „Он натолкнулся, — рассказывает участник экспедиции Павел Лин, — на ледяное поле, которое было по силам только его стальному форштевню и десятитысячесильной машине. Лед, лед, лед... Он окружил нас со всех сторон. Мы — его пленники и не можем даже отступить обратно в Югорский Шар. Иностранные пароходы съежились и жмутся к „Красину“. Лед, как сообщено было по радио, образовал узкий барьер. Решено было форсировать его. „Красин“ двинулся вперед, дробя лед и раскидывая по сторонам ледяные глыбы, затем давал обратный ход, рвал льдины кормой, чтобы расширить пробитую щель во льду. От этих маневров, от бесконечного дергания команда сваливалась с ног. „Красин“ подходил от парохода к пароходу, делая попытки протащить их через ледяной барьер. Пароходы пытались скользнуть в трещину, пробитую ледоколом, но путались в ледяных глыбах. Очередь дошла до советского парохода „Рабочий“... „Красин“ крутился около него, как пчела вокруг улья, скалывая льды. Он упорно пробивал дорогу, всей силой своих машин расталкивая упрямые льды, препятствовавшие движению „Рабочего“. Медленно, напористо, пыхтя и скрипя, советский пароход первым достиг чистой воды после многочасовой борьбы со стихией. Лед проходит. „Красин“ вернулся к каравану...

Мастерски, с величайшим искусством, разметая по сторонам ледяные булыжники, „Красин“ перетаскивал, как слепых котят, пароходы. Заупрямился было капитан английского судна „Сиксти-Фор“, требуя, чтобы ему дали чистую воду.

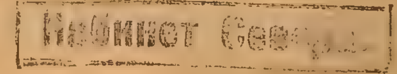
Почти насильно набросили на „Сиксти-Фор“ аркан, буксирный трос, и „Красин“ поволок его через ледяное поле. Операция эта была сопряжена с исключительным риском, ибо залегавшие неодинаковой мощности льды препятствовали равномерному ходу ледокола. Малейшая задержка „Красина“ во льдах, — и на него налетает буксируемый им пароход. Маневр прошел блестяще. „Сиксти-Фор“ без единой царапины одолел льды и начал уже хлюпать своими бортами о чистую воду.

Норвежский капитан с растерянным видом размахивал шапкой и в каком-то диком исступлении кричал по-русски: — „Да здравствуют героические советские моряки“! „Красину“ — салют! салют! салют!...

Для многих тысяч тонн импортных товаров, для десятков тысяч тонн экспортного сырья столбовая дорога в Сибирь была открыта[1]...

[1] Павел Лин, Гибель Арктики. „Наши достижения“, № 4 1930 г.

Обоз путешественников в Большеземельской тундре (1898 г.)

Дом в Пустозерске.

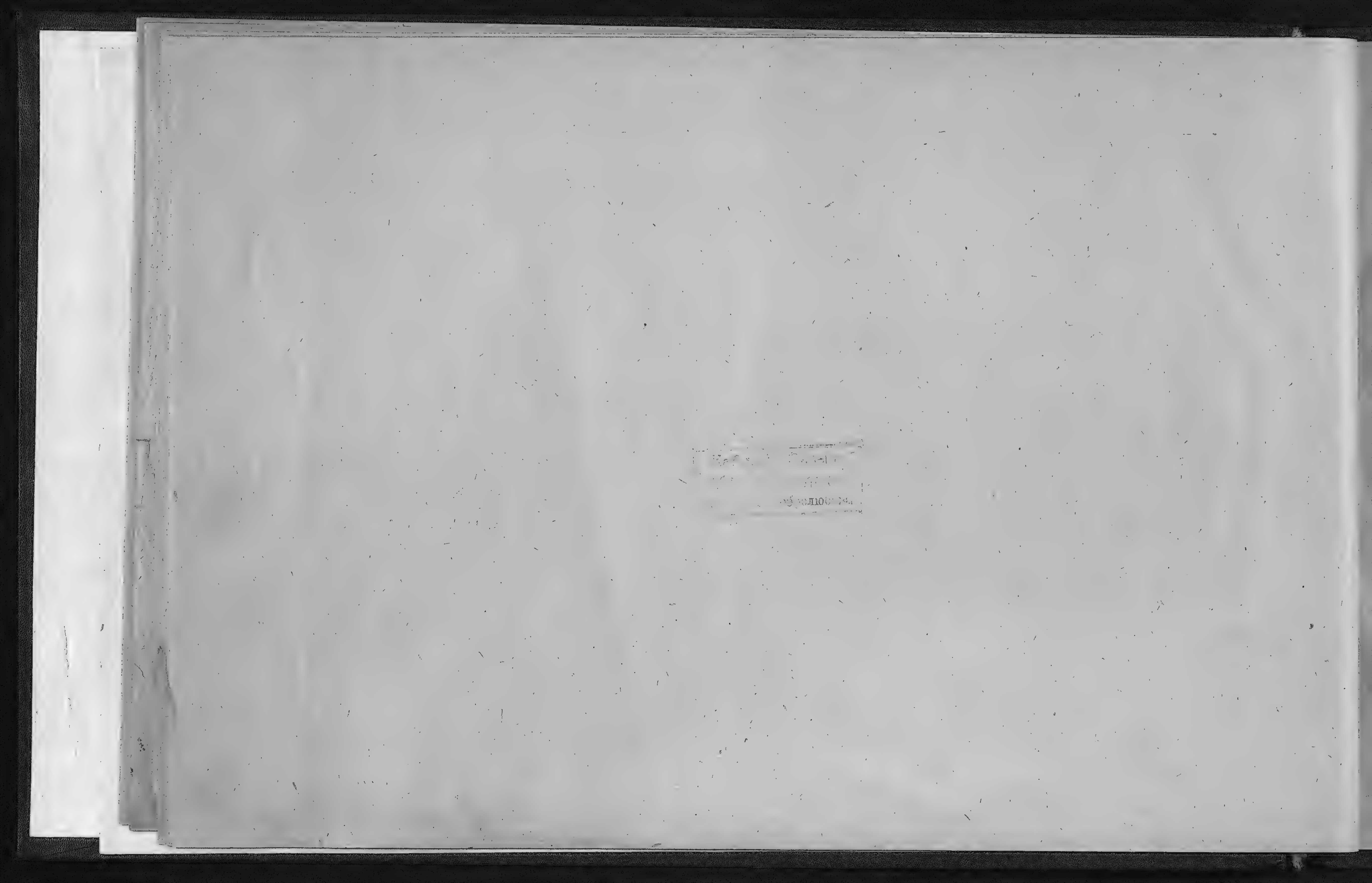
Селение Никольское на берегу пролива Югорский Шар.

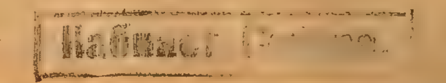
Селение Никольское во время тумана.

Приготовление ворвани из тюленьего жира на берегу Югорского Шара.

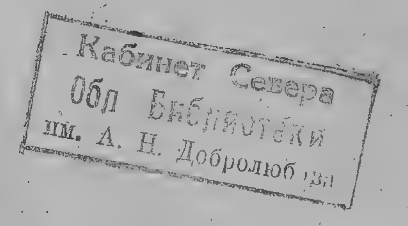
Судно экспедиции, выдавленное и приподнятое льдами Карского моря (1899 г.).

Севера
Добролюбова

Новая Земля со стороны Карского моря (лето 1901 г.).

Собачьи сани, поставленные на пятки; вверху положена обувь путешественников для защиты от собак.

Привал санной экспедиции в проливе Маточкин Шар (апрель 1901 г.).

Долина речки Маточки, впадающей в Маточкин Шар Баренцова моря.

Ледник на берегу Маточкина Шара южного острова Новой Земли. На другой стороне пролива виден берег северного острова Новой Земли.

Ледяные сталактиты в гроте ледника гренландского типа.

Ледник гренландского типа на Новой Земле.

У края ледника (гренландского типа).

Ледник гренландского типа в Медвежьем заливе на Новой Земле. Вид со стороны Карского моря.

Покойницкий мыс на Новой Земле, со стороны Баренцова моря.

Берег Медвежьего залива на Новой Земле со стороны Карского моря.

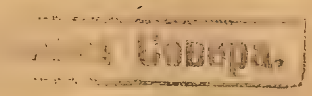

В гостях у самоеда на Новой земле.

Новая Земля. Самоед Устин перед отъездом на охоту на белого медведя.

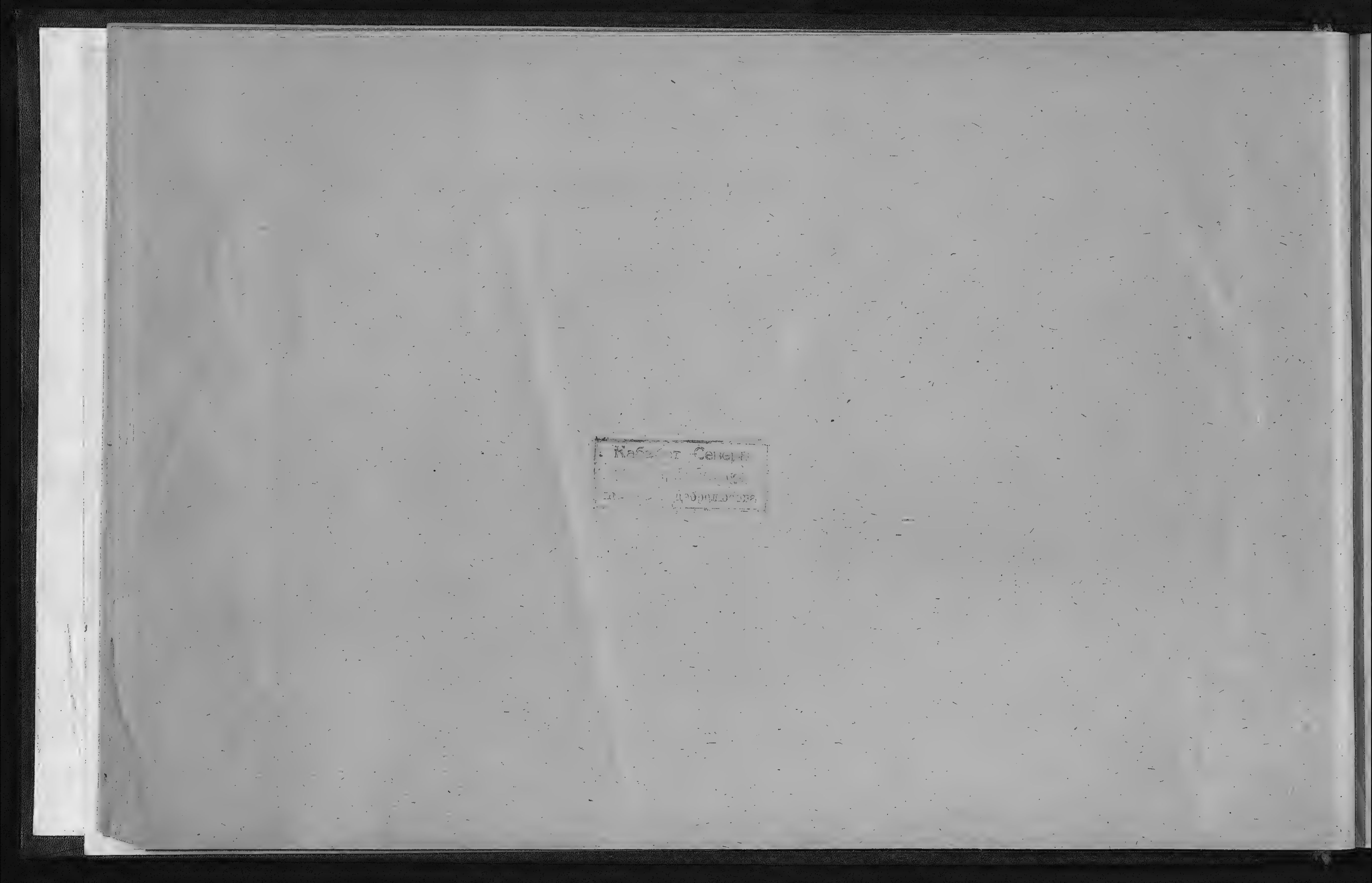
Самоед Устин на льдах Карского моря приготовляет тюленье мясо для собак. Зоолог с длинным шестом-хореем защищает самоеда от собак, чтобы последние не отгрызли у него рук.

Самоед Устин на отдыхе в палатке.

Самоед удит рыбу-гольца (на Новой Земле).

Самоедский мальчик на Новой Земле (1901 г.).

Могила кормщика Чиракина, описавшего пролив Маточкин Шар и определившего его длину.
Погиб в 1769 году.